

СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНАНЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент, профессор
Академия военных наук
Главный центр научных исследований Федеральной службы
войск национальной гвардии Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)
sergey_ananyev1982@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

А н н о т а ц и я . Общественное мнение в Российской империи формировалось прежде всего посредством печати, которая в условиях либерально-буржуазных преобразований 2-й половины XIX века фактически выступала в роли четвертой власти. Поднявшаяся в начале 1860-х годов волна антирусского протеста в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи, опиравшаяся на материальную помощь польских земельных магнатов и духовную поддержку со стороны местного католического духовенства, грозила государству отторжением его западных окраин при полной поддержке ведущих стран Запада. Борьбу за умы российского общества активно вела и революционная демократия во главе с политическим эмигрантом А. И. Герценом, ставившая своей целью свержение самодержавной власти в России в тесном союзе с польскими революционерами. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, каким образом в сложившихся условиях печать оказывала поддержку правительственной политике, проводимой в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Для достижения поставленной цели был проведен анализ неопубликованных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованных материалов. Используются ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и общенаучные методы исследования. В статье показано, что характерным признаком общественной мысли по «польскому вопросу» было то, что она находилась в постоянной динамике и менялась, эволюционировав от сдержанно-одобрительной риторики в преддверии польского восстания к осуждению мятежников и поддержке правительственной политики в крае начиная с 1863 года. Официальная печать оказала существенную интеллектуальную поддержку правительственной политике в деле русификации региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : общественная мысль, «польский вопрос», пропаганда, польское восстание, Северо-Западный край, русификация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ананьев С. В. Общественная мысль в обеспечении безопасности в период польского восстания 1863–1864 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 86–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.978

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НАКАНУНЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

Обеспечение системы безопасности является важнейшей функцией государства и имеет целью предупреждение и пресечение действий, нарушающих порядок и спокойствие. Одним из инструментов ее реализации является привлечение официальной печати. Присоединение восточных территорий бывшей Речи Посполитой, вследствие трех ее разделов в последней четверти XVIII столетия, способствовало возникновению на западных окраинах Российской империи по-

стоянного очага социальных, конфессиональных и национальных противоречий. С того времени территория западных окраин Российской империи стала ареной русско-польской вооруженной и информационной войн, в которой печать, выступавшая главным рупором общественного мнения, играла важную роль. В связи с этим в начале XIX века возникло понятие «польского вопроса» как главного деструктивного фактора национальной политики России. Он достиг своей кульминации в процессе двух польских восстаний XIX века и стал одним из культурологических вызовов для государства. Польский

вопрос на протяжении всего столетия оставался актуальным и был в центре внимания философов, историков, политиков того времени.

В дореволюционный период рупорами правительственного курса в западных окраинах империи и представителями официальной мысли выступали такие авторы, как М. П. Погодин¹, С. М. Соловьев², М. Н. Катков³, М. О. Коялович⁴, Ф. М. Уманец⁵, А. А. Корнилов⁶ и др. Рост националистических настроений в русском обществе, вызванный польским восстанием 1863–1864 годов, привлек на свою сторону немало количество российских поэтов и писателей того времени. Вопросы о роли общественной мысли применительно к событиям польского восстания и о проводимой правительственной политике в западных губерниях Российской империи освещались как в советской, так и современной российской историографии.

У истоков советской школы историков-полонистов стояли В. И. Пичета и И. С. Миллер. Определенная доля информации об общественной мысли в период восстания 1863–1864 годов и проводимой царской властью политике на западных окраинах содержится как в монографиях, так и сборниках, изданных в честь 100-летнего юбилея события [4], [5], [14], [18]. Некоторые сведения о роли официальной печати в правительственной политике в регионе можно найти в работах В. Г. Ревуненкова [15], В. А. Дьякова [9], В. А. Твардовской [19], С. М. Самбук [16], Н. И. Цимбаева [21].

В 1990-е годы состоялись первые русско-польские конференции по различным аспектам взаимоотношений между двумя народами; в российской историографии в той или иной степени данные вопросы были затронуты в научных работах Л. Е. Горизонтова [6], В. Я. Гросула [7], Л. М. Аржаковой [2], С. И. Ивановой [10], О. С. Каштановой [11], Г. А. Малютина [12].

Накануне польского восстания 1863–1864 годов общественное мнение по польскому вопросу существенно активизировалось. Во многом это было связано со сложившейся исторической традицией противостояния двух славянских народов, особенно на религиозной почве. В 50-х годах XIX века возникла тенденция к сочувственному отношению русских к печальной судьбе поляков и их прекратившего существование государства, что впоследствии умело использовали революционеры-агитаторы. Более того, и в части правительственных кругов господствовали полонофильские настроения. В условиях кризиса самодержавия после окончания Крымской войны заметно активизировалась революци-

онно-демократическая печать, вставшая на «пораженческие» позиции и уступки по отношению к полякам, развернувшем под лозунгами национально-освободительной борьбы с царизмом протестное движение, вылившееся в дальнейшем в вооруженный мятеж.

Известнейшие отечественные демократы того времени – А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский однозначно высказались за отделение Царства Польского от России. А. И. Герцен писал: «Для нас русских важен вопрос: ждать ли нам, пока нас со срамом выгонят из Польши, или мы сами... обратим поляков в вернейших друзей России»⁷. Он вел активную переписку с польским революционным комитетом, пропаганду посредством распространения листовок, прокламаций и отдельных изданий антиправительственного содержания, не только среди населения, но и в офицерской среде⁸. Кроме самого А. И. Герцена в защиту поляков выступили Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, революционная организация «Земля и воля». Особая поддержка польского сепаратизма шла из Лондона. В свою очередь Н. Г. Чернышевский, признавая данный вопрос прерогативой самого польского народа, отмечал по этому поводу: «Нам кажется... что у могущественного русского орла очень много своих домашних русских дел»⁹. Польские революционеры со своей стороны применяли все средства для того, чтобы переключить русское общественное мнение на призрак опасности украинофильства, отвлекая внимание от реальной угрозы полонизма в Северо-Западном крае¹⁰.

Либеральная пресса также отреагировала на обострение польского вопроса в связи с активизацией польского общественного движения 1861–1862 годов, предшествовавшего вооруженному восстанию, полагая, что поляки сами должны решить свою судьбу. Однако в этой связи решающее слово должно было остаться за официально-охранительной печатью, и оно было сказано лидером консервативной прессы М. Н. Катковым, который именно с того времени становится главным рупором самодержавия. Он развернул полемику с герценовским «Колоколом», которая была показательной в плане борьбы двух идеологических направлений за общественное сознание в российском обществе. В 1862 году в журнале «Русский Вестник» он поместил «Заметку» для издателей «Колокола», в которой назвал Герцена бездушным фразером, хладнокровно призывающим молодежь к кровопролитию: «Ему ничего – пусть прольется кровь юношей-фанатиков. Он в сторо-

не – пусть она прольется. Он поет им о святом нетерпении»¹¹.

Таким образом, общественное мнение в России разделилось, и вопрос о том, что делать с Польшей и Северо-Западным краем, населенным преимущественно белорусским и литовским населением (в исторической памяти которых не было ностальгии по канувшей в Лету колонизировавшей их земли Речи Посполитой), оставался нерешенным.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

В январе 1863 года политические манифестации и демонстрации неожиданно для царского правительства трансформировались в вооруженное восстание. Польские мятежники взялись за оружие в целях не только обособления самого Царства Польского от Российской империи, но и присоединения к первому западных губерний. В январе 1863 года «Земля и воля» начала издание листовок с названием «Свобода» в поддержку восстания [17: 174].

Симпатии польскому восстанию высказали К. Маркс и Ф. Энгельс. В феврале 1863 года Ф. Энгельс написал К. Марксу: «Поляки – молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания». Однако уже в июне он был обеспокоен тем, что в России так и не началось широкомасштабное крестьянское движение [3: 97], на которое был расчет классиков пролетарской революции.

Видя очевидную поддержку со стороны А. И. Герцена, польские революционные деятели пытались привлечь на свою сторону и голос Н. Г. Чернышевского. Польская революционная эмиграция проявляла активность в Англии, Франции, Швейцарии. В Лондоне, например, была издана брошюра на русском языке «Солдатские песни», в которой содержались антиправительственные воззвания, десятки тысяч ее экземпляров были высланы в Польшу и Западную Россию для раздачи русским солдатам¹². Проекты по отделению Польши от России в границах 1815 года с предоставлением ей независимости предлагали в 1863 году П. В. Долгоруков, Н. П. Огарев, Н. А. Серно-Соловьевич. Следует отметить, что поддержка польского восстания не способствовала развитию революции в России, а напротив, ударила по репутации как самого А. И. Герцена, так и всего революционного движения [7: 384–385]. Так, на страницах «Колокола» А. И. Герцен писал:

«Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим

независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... Мы против империи, потому что мы за народ»¹³.

Все это, как известно, вызвало дипломатическое вмешательство иностранных держав в поддержку мятежников и уже совсем скоро резко изменило и без того негативное отношение русского общества к полякам¹⁴.

Восстание 1863–1864 годов сделало шаг к политической реакции по всей России и отсрочило дальнейшие социальные преобразования в стране. Началось широкое патриотическое движение. Жестокость польской «народовой стражи» и кинжальщиков, терроризировавших местное население и представителей царской власти на местах, да и самих польских мятежников по отношению к пленным русским солдатам и офицерам окончательно склонила чашу весов в пользу всеобщего общественного осуждения действий повстанцев. Революционное брожение 1863 года быстро пошло на убыль, а польское восстание близилось к завершению.

События польского восстания привели к всплеску национального самосознания в русском обществе. В. И. Ленин впоследствии вынужден был признать, что «вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши»¹⁵. Заявления польского революционного комитета о необходимости овладения мятежниками Приднепровьем и Северо-Западным краем усилили эти настроения. В общественном мнении начала доминировать мысль и о том, что не стоит делать уступки полякам даже в самом Царстве Польском, иначе это станет базисом для распространения уступок и в западнорусских землях.

Общественное мнение в России было возмущено жертвами польского восстания. Вполне логично, что после событий начала 1863 года к «полякам» и «панам» в печати стали приклеивать новые эпитеты – *фанатичный католик, враг освобождения крестьян, враг реформ, защитник узкословных привилегий* и т. п. Публицист того времени А. В. Никитенко отметил, что гнусно убивать спящих и безоружных солдат, а А. А. Фет написал Л. Н. Толстому, что «готов хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица»¹⁶.

Отношение к польским событиям выразили и русские офицеры. Большая часть русских солдат и офицеров была возмущена тем, что польские революционеры призывали их к неповиновению правительству¹⁷. Царский генерал Н. К. Имеретинский, вспоминая польские события, так выразил общее мнение простого рус-

ского народа относительно польского восстания: «Поляки, слышно, опять забунтовали... вон оно что! Пора бы и нам пошевелиться. Неужели сидеть на печи и есть калачи!»¹⁸

Солидарность русскому правительству выразили многие: как частные лица, так и различные общественные организации. Письма поступили от остзейского, самарского, гомельского и могилевского дворянства, ковенского еврейского общества, из Казанского университета, от бессарабских землевладельцев, дворян Санкт-Петербургской и Полтавской губерний, малороссийских казаков, московского и нижегородского дворянства, от Казанского татарского общества, владимирского городского общества и московских старообрядцев, от новгородского, тверского дворянства¹⁹ и мн. др.

Либералы поначалу колебались в своих оценках и отношении к происходившим в 1863 году событиям, но и они в дальнейшем поддержали правительство и проводимую им политику. Славянофилы поддержали и развили мысль Ф. И. Тютчева о Польше как об «Иуде славянства» [20: 15]. И. С. Аксаков главным организатором восстания признавал шляхту, революционную эмиграцию и католическое духовенство. Для того чтобы нивелировать их влияние, он предлагал издание в крае газеты, которая сформировала бы там русское общественное мнение. А. И. Кошелев считал, что Польшу необходимо окончательно присоединить к России, разделить на губернии и связать их воедино, что и легло в основу дальнейших преобразований.

Профессор русской истории М. П. Погодин также негативно отреагировал на события 1863 года. Сначала он был за полное отделение Польши, затем, в 1850-х годах – за предоставление ей автономии, а в 1862 году счел нежелательным ее отсоединение от России. М. П. Погодин писал, что поляки – «несчастный народ, который должен терпеть и страдать из-за мечтаний несбыточных одной безумной шайки!»²⁰ При этом он прозорливо отметил, что подогреваемая в печати полонофобия в дальнейшем может привести к травле польского населения. Даже у классиков литературы XIX века Польша стала представляться «гидрой», само слово «поляк» для многих стало тождественно предательству.

На этой антипольской волне обрел популярность М. Н. Катков. Он отмечал, что польское восстание вспыхнуло из-за беззаботности и просчетов русской администрации края, и осознавал силу общественного мнения и печатного слова. С просьбой поддержать в печати мнение о необ-

ходимости жестких мер по отношению к полякам, подготовить общественное мнение в данном направлении обращался к нему М. Н. Муравьев²¹. Именно с подачи М. Н. Каткова польское восстание 1863 года в официальной печати представлялось как затея относительно небольшой части общества – шляхты, католического духовенства. Он писал, что восстание подняло русский национальный дух и укрепило в сознании убеждение, что данный край – русский.

В воображении многих русских националистов подавление восстания 1863 года с тех пор ассоциировалось со славными событиями 1612 и 1812 годов и освобождением русского народа от «польского ига». Это представление продолжало культивироваться на страницах газет и журналов. В праворадикальных изданиях и во все утверждалось, что, если не будет поляков, не будет и восстаний. Наиболее радикальные представители предлагали сугубо ассимиляторские методы при проведении политики русификации в крае – взять на вооружение опыт французов в Эльзасе и немцев в Познани.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ОТНОШЕНИИ ПРОВОДИМОЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1863–1865 ГОДАХ

После подавления польского восстания в 1863–1864 годах имперское правительство приступило к политике русификации Северо-Западного края. Ключевой фигурой для пропаганды консервативной печатью был выбран генерал-губернатор края М. Н. Муравьев. Имя М. Н. Муравьева стало одним из важнейших идейно-политических символов формирующейся западнорусской идеологии. После «успокоения» Северо-Западного края М. Н. Катков в московской печати начал создавать образ Муравьева – благообразного и мудрого правителя, друга Отечества.

М. Н. Катков считал самодержавный строй единственно возможным. Он отмечал, что Польшу необходимо держать вооруженной рукой и что в этом заключается историческая необходимость, а сохранение целостности и единства для пореформенной России – вопрос жизни и смерти. Суждения М. Н. Каткова отличались крайне негативным отношением и к католичеству: он активно выступил за его реформирование на территории Российской империи. Ему принадлежала идея «русского католика» [8: 485], а также создания народных ополчений для борьбы с мятежниками. Михаил Никифорович начал кампанию за организацию так называемой обывательской «стражи» [19: 53]. Не случайно

обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в дальнейшем резонно заметил, что «были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова» [19: 3]. Действительно, такие издания М. Н. Каткова, как «Московские ведомости», «Русский вестник», «Современная летопись», оказывали влияние на политику самодержавия на протяжении целой эпохи. Газета «Русский вестник» и вовсе дерзко вторглась в обсуждение политических вопросов, в том числе и государственного уровня. М. Н. Катков осмелился обвинить наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича в слабости и измене.

Виленский наместник также сделал упор на пропаганду в центральной региональной газете «Виленский вестник», учредив для главного редактора А. Киркора ежегодную субсидию в 4 тыс. рублей. Журнал «Вестник Западной России» тоже должен был вести борьбу с революционными идеями, национально-освободительной идеологией и т. п. Его первый номер вышел в 1864 году. В нем восхвалялось все, что касалось русификации: авторы стремились представить польское восстание акцией одних лишь польских помещиков, недовольных освобождением крестьян.

Следует отметить, что М. Н. Муравьев целенаправленно приглашал в край русских писателей, публицистов и журналистов с целью популяризации проводимой правительством политики. Представители официального направления (В. Ф. Ратч²², Н. И. Цылов²³, И. П. Корнилов²⁴, А. Н. Мосолов²⁵) написали ряд работ, в которых меры М. Н. Муравьева в крае расценивали как положительные и благотворные для большинства жителей (прежде всего для крестьянства). Работа генерал-майора В. Ф. Ратча о польском восстании носила публицистический характер и являлась заказной со стороны властей, как и работа попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова. Бывший член Виленской Следственной комиссии Н. И. Цылов за свой труд в лагере либеральной прессы получил характеристику «полицейского литератора». В целом для них была характерна католикофобская и полонофобская риторика [13]. Консервативный публицист С. П. Сушков, например, предлагал сосредоточить все польское население империи в пределах Царства Польского.

Многие русские либералы после 1863 года стали заядлыми реакционерами на страницах журнальной прессы, что являлось скорее общей тенденцией, нежели исключением. Проводимая политика русификации в Царстве

Польском находила поддержку и у главного либерального журнала «Вестник Европы» вплоть до 80-х годов XIX века. Так, В. А. Елагин считал, что в «безумстве» поляков виновато само русское общество: русские должны отделаться от мысли, что Польша есть государство, так как оно уже не существует, ее стоит воспринимать лишь как общественную силу.

И. С. Аксаков полагал, что поляков необходимо устранить от всех должностей и принять тезис о том, что единственный в крае хозяин – это русский народ. Он пришел к выводу, что никакого примирения между русской народностью и полонизмом, православием и латинством быть не может²⁶. В дальнейшем, по его мнению, следует продолжить борьбу с «польским элементом» в Северо-Западном крае и не ослаблять ее. Другой апологет славянофильства А. Ф. Гильфердинг также выступал за укрепление русских начал в крае [1]. Представитель славянофилов Ю. Ф. Самарин признавал необходимость и важность политики русификации в Северо-Западном крае. В письме к матери он отразил отношение к М. Н. Муравьеву и его политике в крае: «Про самого Муравьева могу сказать только одно – что я его уважаю, по-моему, он действует так, как следует в настоящее время – без жестокости, но строго»²⁷.

Иного мнения относительно польского восстания и судеб повстанцев придерживались отечественные радикалы. Так, утверждалось, что Александр II утопил польскую революцию в крови, а Муравьев удушил ее на эшафоте²⁸. А. И. Герцен в бессильном негодовании писал: «Проклятие вам, проклятие, и если возможно – мечь»²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальная общественная мысль сыграла немаловажную роль в обосновании правильности внутривосточного курса, выбранного царским правительством в Северо-Западном крае в 1863–1865 годах с целью укрепления системы безопасности на западных окраинах империи. Обстановка в крае с началом польского восстания 1863–1864 годов возымела обратный эффект, вызвав всплеск патриотизма и полонофобии в русском обществе, настроения которого и выразила в те годы не только консервативная, но и либеральная печать. Достаточно упомянуть тот факт, что тираж оппозиционного «Колокола» упал в 4–5 раз. На этой волне официальная печать, прежде всего в лице М. Н. Каткова, а также представителей царской администрации края, обрушила критику как на представителей

двух лагерей польского восстания («красных» и «белых»), так и на всех противников репрессивных мер в Северо-Западном крае после подавления польского восстания.

В конечном счете польское восстание 1863–1864 годов, выступив, как ни парадоксально, катализатором объединения русского общества, коренным образом изменило и общий правительственный курс, ставший в том числе реакцией властей на общественную консолидацию. «Великие реформы» Александра II, можно сказать, продолжались скорее по инерции, и царская власть уже не испытывала прежней эйфории от задуманных проектов – в стране появлялись предпосылки политической реакции. М. Е. Салтыков-Щедрин написал, что «поль-

ская смута» принесла Российскому государству немало вреда и главный ее вред заключается в том, что она «вызвала наружу те темные силы, на которые мы уже смотрели, как на невозвратное прошлое...»³⁰.

Именно с 1863 года в Северо-Западном крае Российской империи в течение следующих десятилетий в решении национального вопроса применялась модель с превалированием методов русификации и унификации, в ответ на которые польское общество ответило порождением таких явлений, как «отсутствующие» и «упорствующие», не оставляя российским властям надежд на идеологический и политический реванш, состоявшийся по меркам исторического времени в тех землях уже совсем скоро.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: Тип. газеты «Русский», 1867.
- ² Соловьев С. М. История падения Польши. М.: Тип. Грачева и К^о, 1863. 370 с.
- ³ Катков М. Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год. Вып. 1. М.: Унив. тип., 1887. 662 с.
- ⁴ Коялович М. Лекции по истории Западной России. М.: В тип. Бахметева, 1864. 393 с.
- ⁵ Уманец Ф. М. Вырождение Польши. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. 341 с.
- ⁶ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг.: Огни, 1915. 93 с.
- ⁷ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Вильна, 1867. С. 151.
- ⁸ Герцен и Польша // Октябрь. 1945. № 3. С. 105–106.
- ⁹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. М., 1950. С. 383.
- ¹⁰ Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886: Т. 1–7. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 301.
- ¹¹ Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. Т. 39. С. 834–852.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 945. Оп. 1. Д. 101. Л. 245.
- ¹³ Колокол. 1963. № 160.
- ¹⁴ Барриве Л. Освободительное движение в царствование Александра II. М.: Образование, 1909. С. 29.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений М.: Изд-во Политической литературы, 1961. Т. 21. С. 260.
- ¹⁶ Старый спор. Русские поэтические отклики на польские восстания 1794, 1830 и 1863 годов. Челябинск: ЧП Рейх А. П., 2006. С. 103.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 101. Л. 240 об.
- ¹⁸ Имеретинский Н. К. Воспоминания о графе М. Н. Муравьеве // Исторический вестник. 1892. Т. 50, № 12. С. 684.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 102. Л. 58–66.
- ²⁰ Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М.: Тип. О. Б. Миллера, 1876. С. 544.
- ²¹ Каспарович Э. Л. Польский вопрос в России. Открытое письмо к русским публицистам польского дворянина. Лейпциг, 1896. С. 70.
- ²² Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России...
- ²³ Сборник распоряжений графа М. Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 гг. / Сост. Н. И. Цылов. Вильна, 1866. 385 с.
- ²⁴ Корнилов И. П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева: к истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898. 240 с.
- ²⁵ Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг.: (Муравьевское время). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. 254 с.
- ²⁶ Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886... С. 255.
- ²⁷ «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М., 2008. С. 44.
- ²⁸ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 132.
- ²⁹ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России... С. 253.
- ³⁰ Щедрин и польское восстание 1863 года // Литературное наследство. 1933. № 11–12. С. 147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржакова Л. М. Данилевский Н. Я. и его современники о месте поляков в славянском мире // Славянский альманах. 2008. Вып. 13. С. 69–80.
2. Аржакова Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. 343 с.
3. Бобинская Ц. К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе // Вопросы истории. 1959. № 10. С. 86–106.
4. Восстание 1863 г. Материалы и документы. Т. 1–20. М.; Wrocław, 1961–1974.
5. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М.: Наука, 1965. 645 с.
6. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индик, 1999. 272 с.
7. Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО-XXI, 2013. 560 с.
8. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
9. Дьяков В. А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. М., 1978. С. 147–161.
10. Иванова С. И. Польский вопрос в русской философии культуры 2-й половины XIX века: Дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2011. 159 с.
11. Каштанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 51–80.
12. Малютин Г. А. Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. СПб.: Нестор-История; М., 2013. 206 с.
13. Матвейчик Д. Ч. «Муравьевцы» в историографии: исследования в Российской империи истории восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (1863–1869 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 4 (28). С. 75–88.
14. Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 334 с.
15. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 357 с.
16. Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1976. 184 с.
17. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30–60-е гг. XIX в. М.: Соцэкгиз, 1962. 427 с.
18. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 392 с.
19. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. 142 с.
20. Хорев В. А. Русский европеизм и Польша // Славяноведение. 2004. № 1. С. 5–29.
21. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 274 с.

Поступила в редакцию 09.06.2023; принята к публикации 02.10.2023

Original article

Sergey V. Ananyev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Professor, Academy of Military Sciences, Main Center for Scientific Research of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
sergey_ananyev1982@mail.ru

THE ROLE OF PUBLIC THOUGHT IN ENSURING SECURITY DURING THE POLISH UPRISING OF 1863–1864

Abstract. Public opinion in the Russian Empire was formed primarily through the press, which, under the conditions of liberal bourgeois transformations of the second half of the XIX century, actually acted as the fourth power. Due to the wave of anti-Russian protests in the Kingdom of Poland and the Northwestern Territory of the Russian Empire that emerged in the early 1860s relying on material assistance from Polish land magnates and spiritual support from the local Catholic clergy the Russian state risked losing its western outskirts with the full support of leading Western countries. The struggle for the minds of Russian society was also actively waged by revolutionary democrats led by a political emigrant Alexander Herzen, which aimed to overthrow the autocratic power in Russia in close alliance with the Polish revolutionaries. The purpose of the article is to consider how under those circumstances the press supported the government policy pursued in the Kingdom of Poland and the Northwestern Territory. For this end, an analysis of unpublished documents from the State Archive of the Russian Federation and published materials was conducted. The work uses the retrospective, problem-based chronological, and comparative historical methods, as well as general research methods. The article shows that one specific characteristic of the public opinion on the “Polish question” was

that it was in constant dynamics and change, evolving from restrained approving rhetoric on the eve of the Polish uprising to condemning the rebels and supporting government policy in the region starting from 1863. The official press provided significant intellectual support for the government policy in the Russification of the region.

Keywords: public thought, “Polish question”, propaganda, Polish Uprising, Northwestern Territory, Russification

For citation: Ananyev, S. V. The role of public thought in ensuring security during the Polish Uprising of 1863–1864. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):86–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.978

REFERENCES

1. Arzhakova, L. M. Nikolay Danilevsky and his contemporaries on the place of Poles in the Slavic world. *Slavic Almanac*. 2008;13:69–80. (In Russ.)
2. Arzhakova, L. M. Russian historical Polonistics and the Polish question in the XIX century. St. Petersburg, 2010. 343 p. (In Russ.)
3. Bobinskaya, Ts. Karl Marx and Friedrich Engels on the Polish question. *Voprosy istorii*. 1959;10:86–106. (In Russ.)
4. The Uprising of 1863. Materials and documents. Vol. 1–20. Moscow; Wrocław, 1961–1974. (In Russ.)
5. The 1863–1864 uprising in Lithuania and Belarus. Moscow, 1965. 645 p. (In Russ.)
6. Gorizontov, L. E. Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland. Moscow, 1999. 272 p. (In Russ.)
7. Grosul, V. Ya. Public opinion in nineteenth-century Russia. Moscow, 2013. 560 p. (In Russ.)
8. Dolbilov, M. D. Russian territory, other people's faith: The ethno-confessional policy of the Russian Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow, 2010. 1000 p. (In Russ.)
9. Dyakov, V. A. Polish theme in Russian historiography of the late XIX – early XX centuries (N. I. Kareev, A. A. Kornilov, A. L. Pogodin, V. A. Frantsev). *History and historians*. Moscow, 1978. P. 147–161. (In Russ.)
10. Ivanova, S. I. Polish question in the Russian philosophy of culture of the second half of the XIX century: Diss. Cand. Sc. (Philosophy). Belgorod, 2011. 159 p. (In Russ.)
11. Kashtanova, O. S. The Uprising of 1863 in Russian historiography and journalism. Polish January Uprising of 1863. Historical fates of Russia and Poland. Moscow, 2014. P. 51–80. (In Russ.)
12. Malyutin, G. A. The “Polish question” in Russian socio-political thought from the 1830s to the early 1860s. St. Petersburg; Moscow, 2013. 206 p. (In Russ.)
13. Matveychik, D. Ch. “Muravyevtsy” in historiography: research on the history of the 1863–1864 uprising in the territory of Belarus (1863–1869) in the Russian Empire. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*. 2020;7(4(28)):75–88. (In Russ.)
14. Misko, M. V. The Polish Uprising of 1863. Moscow, 1962. 334 p. (In Russ.)
15. Revunenkov, V. G. The Polish Uprising of 1863 and European diplomacy. Leningrad, 1957. 357 p. (In Russ.)
16. Sambuk, S. M. Socio-political thought of Belarus in the second half of the XIX century. Minsk, 1976. 184 p. (In Russ.)
17. Smirnov, A. F. Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland: 1830s–1860s. Moscow, 1962. 427 p. (In Russ.)
18. Smirnov, A. F. The uprising of 1863 in Lithuania and Belarus. Moscow, 1963. 392 p. (In Russ.)
19. Tvardovskaya, V. A. Ideology of the post-reform autocracy. Moscow, 1978. 142 p. (In Russ.)
20. Horev, V. A. Russian Europeanism and Poland. *Slavic Studies*. 2004;1:5–29. (In Russ.)
21. Tsimbaev, N. I. Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought in the XIX century. Moscow, 1986. 274 p. (In Russ.)

Received: 9 June 2023; accepted: 2 October 2023